

УДК 316.61

**ПРИНЦИП СОЛИДАРНОСТИ В КУЛЬТУРЕ ДОВЕРИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ**

Кожемякина О.Н.

В статье представлен социально-философский анализ соотношения категорий доверия и солидарности, определены их роль и место в социальной действительности, обращается особое внимание на ценностный контекст специфики формирования культуры доверия в гражданском обществе. Учитывая глобальный характер социальных изменений, рассматриваются перспективы актуализации принципа солидарности в культуре доверия современного общества.

Ключевые слова: доверие, солидарность, культура доверия, ценности, нормы, гражданское общество.

**THE PRINCIPLE OF SOLIDARITY IN CULTURE OF TRUST:
SOCIO-PHILOSOPHICAL CONTEXT**

Kozhemiakina O.M.

The article performs a socio-philosophical analysis of correlation of such categories as trust and solidarity, determination of their role and place in the social reality, drawing special attention to the value context of the specific character of developing culture of trust in civil society. Taking into account the global nature of the social change the article examines perspectives of actualization of the principle of solidarity in culture of trust in modern society.

Keywords: trust, solidarity, culture of trust, values, norms, civil society.

В современном динамичном социуме, пронизанном кризисами и неопределенностью, все более ощутимыми становятся изменения в формах организации общества, определяя особый научный интерес к социокультурным детерминантам эффективного взаимодействия и социальной интеграции. В условиях обострения глобальных проблем современности, среди которых

выделяется и проблема доверия, острой необходимостью стает осмысление такой этики, которая способна выйти за пределы лишь партикулярных интересов, актуализируя разработку тех ключевых принципов и значимых императивов, что обуславливают и ориентируют человеческие взаимоотношения в глобальной перспективе.

Проблематизация доверия происходит вследствие ролевой дифференциации общества и функционального усложнения социальных связей, актуализируя поиск новых форм социального порядка внутри горизонтальных сетевых структур. Поэтому культура доверия, предполагая мощный потенциал защищенности и надежности, стает важным ориентиром в развитии современного общества. Как отмечает Ю. Хабермас, все большей дифференциации структур жизненного мира соответствует «связь растущего самоопределения индивида с растущей интеграцией в разнообразие социальных зависимостей. Чем дальше прогрессирует индивидуализация, тем дальше ввязывается отдельный субъект во все более плотную и одновременно тонкую сеть взаимной незащищенности и необходимости потребности в защите» [1, с. 330]. Проблема доверия и солидарности осложняется в современном постмодернистском мире, характерными признаками которого являются тотальная кризисность, плюральность, резкая социальная поляризация, высокая степень индивидуализации.

Именно реальные угрозы самому существованию современного человека явились сильнейшим толчком для разработки новой этики так называемой «технологической эры», когда «окончательно раскованный Прометей, которому наука дает не виданные ранее силы, а экономика – неслыханные стимулы, призывает к этике, чтобы через добровольное подчинение ей обуздать свое могущество, чтобы это могущество не обернулось для человека бедой» [4, с. 7]. Ведущими принципами социального взаимодействия на всех уровнях современного социума, вплоть до его глобального измерения, должны стать принципы ответственности, солидарности, доверия, которые актуализируют ценность человека как такового.

Трактуемое по-новому обязательство учитывать интересы других и искать пути и способы достижения согласия в условиях усиления конфликтности и взаимозависимости определяет тему данного исследования. Она заключается в социально-философской концептуализации принципа солидарности как гуманистического основания культуры доверия. Задачами исследования является раскрытие концептуальных взаимосвязей доверия и солидарности, осуществление терминологического и компаративного анализа указанных феноменов, а также выявление ценностно-нормативного потенциала культуры доверия в формировании гражданского общества.

Категории доверия и солидарности, несмотря на частоту использования, наиболее разработаны в эмпирических социологических, политологических и экономических исследованиях, философские труды появляются преимущественно в контексте анализа других, близкородственных, проблем. Социальный смысл доверия и его роль в обществе исследуют Ш. Айзенштадт, Б. Барбер, П. Бурдьё, Э. Гидденс, Н. Луман, А. Селигмен, Ф. Фукуяма, Р. Хардин, Р. Шо, П. Штомпка, Т. Ямагиши и др. Этическое и психологическое измерения доверия находим в трудах В. Зинченко, К. Роджерса, Б. Рутковского, Т. Скрипкиной, Э. Эриксона и др. Среди ученых, которые обращались к анализу феномена солидарности, следует назвать А. Арато, Л. Буржуа, Э. Дюркгейма, О. Конта, Дж. Коэна, Р. Рорти, П. Сорокина, А. Флиера, Ю. Хабермаса, А. Хоннета. Современная наука рассматривает солидарность также в контексте синергетического подхода в исследовании механизмов самоорганизации (Г. Хакен, И. Пригожин, С. Курдюмов, О. Князева, И. Добронравова и др.). Вместе с тем, философский анализ феноменов доверия и солидарности остается неполным и фрагментарным, а специальных исследований, посвященных социально-философскому изучению доверия и солидарности, очень мало.

Доверие как ключевое понятие данного исследования рассматривается в качестве социальной ценности, которая предполагает активную возможность полагания на волю другого в контексте добровольно взятых обязательств,

иницируя реализацию ожидания желаемого результата потенциально неуправляемых взаимодействий. Доверие базируется на ожидании правильности и эффективности действий субъектов доверия, признании их деятельности соответствующей определенным этическим требованиям (честности, ответственности, профессиональной компетентности и др.). Отличительной особенностью доверия является мощное нравственно-обязывающее отношение, что предусматривает как субъективное ожидание оправдания доверия, так и наличие объективных условий для реализации взятых обязательств за счет признания нормативности определенного типа коллективных действий. На необходимом минимальном уровне действенной нормативности, которая может, расширяясь, создавать более широкий радиус доверия, настаивает Ф. Фукуяма, определяя доверие как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в соответствии с некоторыми общими нормами» [7, с. 52].

В структуру доверия, кроме S^1 (кто доверяет), S^2 (кому доверяет) и предмета доверия (что или кого доверяют), мы можем ввести также особые доверительные ожидания, имплицитно содержащие желаемый результат социального взаимодействия, сочетая в себе рациональный, иррационально-эмоциональный и этический компоненты, а также саму реализацию деятельности в направлении достижения желаемого результата. Специфика отношений доверия, ожидания субъектов и уязвимость предмета зависят от типологии доверия, которая различает доверие к себе, к другим людям и к миру, также предполагая и разграничение на межличностное, институциональное, генерализированное и системное доверие. Но типология разновидностей доверия намного сложнее простого количественно-группового расширения человеческих сообществ. Как отмечает П. Штомпка, между межличностным и публичным (групповым, общественным, системным) доверием присутствуют категории, определяющие специфику направленности социальных ожиданий и оценку социальной надежности, среди которых

следует отметить гендерные, возрастные, расовые, этнические, религиозные, статусные и др. критерии [8, с. 117]. Кроме того, измерения статуса доверия возможны также и через, своего рода «залог», в качестве которых П. Штомпка выделяет реляцию, сотрудничество, личностную тенденцию и культурное правило. Именно последнее и является условием формирования культуры доверия, что в культурологической трактовке П. Штомпки предполагает наличие устоявшегося культурного контекста сильных нормативных правил, которые стимулируют человека к проявлению доверия или удерживают от этого, в том числе и относительно ролевых ожиданий, намерений, качества исполнения обязательств [8, с. 160].

В аспекте ценностного основания формирования устойчивых социальных связей доверие также рассматривается как базовый элемент гражданского общества. Ведь основополагающими для гражданского общества являются добровольные формы ассоциаций, которые существуют вне государства. Такого рода общности в своей основе в качестве обязательного элемента содержат именно доверие, которое создает благоприятную атмосферу для развития сотрудничества и продуктивного взаимодействия в длительной перспективе, способствуя выработке общих интересов и целей. Именно на значимости общих интересов в процессе формирования надежных отношений доверия настаивает Р. Хардин, выстраивая модель «инкапсулированного доверия» в методологическом поле теории рационального выбора [10, р. 3].

Предложенная Р. Хардином концептуализация доверия как принятия рационального решения в ситуации риска предполагает в качестве базового компонента именно интересы, а точнее, оценка их направленности в сторону максимизации выгоды и минимизации ущерба. Феномен доверия базируется, в данном контексте, на модульных интересах, которые взаимосвязывают участников отношения доверия в некоторое единство всеобщей выгоды в то же время защищая их от взаимных злоупотреблений, поскольку это не входит в сферу их обоюдных интересов. Таким образом, формируется коллективное правило социального поведения, в котором становится не выгодно разрушение

доверия. Это не просто формальное нормативное правило, это ценностное ожидание таких отношений, в которых учитываются интересы всех субъектов доверия на основе ориентиров заботы о них, что в целом способствует продолжению подобного рода взаимодействий на основе т.н. «сильного» доверия.

В данном контексте уместно введение в методологический инструментарий культуры доверия именно категории солидарности для обозначения этих побуждающих человека к взаимному сотрудничеству факторов, которые обычно имеют нравственную природу и основаны на интенциональной общности взглядов и интересов, на совместной ответственности и признании личностной ценности. Принцип солидарности предусматривает наличие установки на то, что между людьми не существует противоречий, которые невозможно решить. Следует различать солидарность внутригрупповую (так называемую ближнюю), которая базируется на более тесных взаимосвязях, и межгрупповую (дальнюю), которая осложняется наличием все большего количества разногласий и является особенно актуальной в современном плюральном мире. Как социально-позитивное поведение солидарность является одним из ключевых вопросов интегральной системы теории толерантности П. Сорокина, исследующего пути преодоления войн и конфликтов через формирование этики альтруизма, которая обладает мощной силой создания и преобразования.

В целом, любое человеческое сообщество базируется на определенном уровне солидарности, которая является основополагающим источником жизнедеятельности общества, его жизненной энергией. Солидарность отражает структурно симметричные отношения заботы о Другом, его признание и интерес к нему, способность к совместному действию и взаимопомощи. Ю. Хабермас определяет солидарность как такую, что «принадлежит к благу объединенных тесными связями членов сообщества, которые имеют общую intersubъективную жизненную форму» [1, с. 331]. В контексте интерпретации принципа солидарности довольно интересна концепция О. Хеффе, который

определяет чувство солидарности как ответственность за общее благо, и, следуя логике И. Канта, выдвигает три максимы солидарности: 1) думать самостоятельно; 2) мысленно ставить себя на место другого; 3) всегда мыслить в согласии с самим собой. Под признанием как одним из важных элементов солидарности ученый понимает «простейшую мораль, мораль справедливости или правовую нравственность, где люди признаются равными, невзирая на их место в обществе или властное влияние» [2, с. 6]. По мнению О. Хеффе, чувству солидарности должен предшествовать социально-этический принцип субсидиарности: «социальное единство справедливо не само собой, а лишь как субсидия, как помощь и поддержка каждого человека» [2, с. 3]. Следует отметить, что таким образом сохраняется в качестве основополагающего критерия солидарности признание личностной значимости каждого, что, способствуя защите интересов всех участников взаимодействия, стимулирует развитие навыков дискурсивного обнаружения общих целей и путей их достижения.

Солидарность в единстве со свободой и справедливостью являются важнейшими ценностями демократического общества. Сравнивая принципы справедливости и солидарности, Ю. Хабермас отмечает, что принцип справедливости, будучи принадлежащим к субъективной свободе индивидов, выражает одинаковое уважение и равные права для всех. Принцип солидарности требует наличия сочувствия и заботы о благополучии ближнего, что и определяет принадлежность солидарности к одному из самых ценных благ сообщества. Таким образом, солидарность в трактовке Ю. Хабермаса возникает как следствие индивидуального опыта вовлеченности в субъективность другого из-за наличия общих интересов, возникающих в результате совместной идентичности.

Проблема социальной солидарности является одной из центральных в концепции Э. Дюркгейма, который понимает солидарность как определяющий общество фактор, различая два вида солидарности: *механическую* (характерную для архаических обществ, суть которой заключается в объединении за счет

поглощения индивидуальности коллективом) и *органическую* (свойственна развитым обществам, когда индивидуальность целого растет вместе с индивидуальностью частей, обозначая естественный процесс взаимообмена и объединения автономных индивидов, учитывая их функциональную зависимость, то есть, отражая систему различных специальных функций, объединенных определенными отношениями) [3, с. 258-260]. Таким образом, механическая солидарность отражает социальные связи на основе сходства, а органическая солидарность – объединение на основе различий, ключевую роль при этом играет разделение труда.

В качестве аналога механической и органической солидарности Ф. Фукуяма вводит понятие традиционной и спонтанной социализированности. Традиционная социализированность характеризуется Ф. Фукуямой как верность старым и устойчивым социальным группам, спонтанная социализированность понимается как способность создавать новые объединения и новые рамки взаимодействия, собираться вместе в сплоченные группы и сосуществовать в рамках новых форм совместной жизни [7, с. 268]. Ф. Фукуяма выделяет три основных пути проявления социализированности: первый основан на семье и семейных отношениях, второй – на добровольных ассоциациях внесемейного типа (школах, клубах, профессиональных организациях), третьим путем является государство [7, с. 109]. Отметим, что именно второй путь характерен для гражданского общества. Проводя сравнительный страновой анализ конкурентоспособности, ученый замечает, что различные общества имеют разный потенциал доверия и солидарности, поскольку последние имеют преимущественно культурную природу, что и позволило ученому выделить страны с самым высоким и самым низким уровнем доверия.

В контексте развития структур гражданского общества особого внимания заслуживает такая функциональная особенность солидарности и доверия, как «социальная ассоциативность», которая понимается как способность создавать многочисленные «негосударственные» организации, добровольные ассоциации

и объединения граждан. Солидарные отношения в гражданском обществе сопровождаются «совокупностью добровольных действий, осуществляемых в определенном социальном пространстве без принуждения государственной власти, образуя общее взаимопонимание» [5, с. 421]. Следует также отметить, что гражданское общество способствует формированию и сохранению национальной консолидации именно благодаря принципу солидарности.

Если исследователи преимущественно социологического направления рассматривают социальную солидарность как ключевую и необходимую характеристику общества или определенной социальной группы, то есть также некоторые попытки вывести категорию солидарности на общечеловеческий уровень, найти те основания солидарности, которые бы позволили объединить все человечество. Безусловно, в основе такой солидарности лежат преимущественно моральные факторы, а не экономические или политические. Так, И. Кант говорит об универсальной солидарности со всем человеческим родом, которая должна базироваться на идее общности ума. Современная экологическая ситуация провоцирует порождение солидарности общечеловеческой как реакции на угрозу самому существованию человечества. Универсализация солидарности приводит к пониманию ее как категории дискурсивной этики, основанной на признании всеобщего характера моральных норм и эволюции морального сознания.

Достаточно последовательно развивает понятие солидарности Р. Рорти, который говорит о нравственном прогрессе не как постепенном преодолении эгоизма с помощью разума, а как постепенном расширении и усилении способности симпатизировать и доверять. Одним из основных инструментов, содействующих нравственному прогрессу в обществе, является развитие способности представления. Именно оно позволяет соотнести себя с другим, поставить себя на место личностей, вполне несхожих с нами. Понимая определенную утопичность идеи всеобщей солидарности, Р. Рорти все же говорит о ней как о цели, которую необходимо реализовать. Солидарность в

этом случае «творится», а не рефлексивируется, за счет увеличения нашей чувствительности к проблемам и боли других, незнакомых нам людей.

Приводя чисто философское понимание человеческой солидарности, Р. Рорти трактует данную категорию как «нечто внутри нас, собственно человеческое, которое резонирует на наличие того же самого в других людях» [6, с. 239]. Это «нечто» ученый называет ядром самости, которое свойственно зрелой человеческой личности. Особое значение такая человеческая солидарность приобретает во времена, когда история переживает перевероты, а традиционные институты и образцы поведения разрушаются, когда возникает потребность в чем-то таком, что находится вне времени, вне институтов. Эту роль, по мнению Р. Рорти, и должна выполнять человеческая солидарность как признание нами друг в друге общечеловеческого. Таким образом, чувство солидарности со всеми другими человеческими существами должно стать моральным долгом и определяющим человечность принципом.

Более того, по мнению Р. Рорти, моральный прогресс идет в направлении все большей солидарности, которая понимается не только как центр самости, присущий всем людям. Это определенная способность, которая предполагает рассмотрение различий (расовых, религиозных, племенных и тому подобных) как несущественных по сравнению со сходствами, касающихся боли и унижения, со способностью считать «нашими» людей, имеющих с нами огромные разногласия [6, с. 125]. Таким образом, Р. Рорти предлагает новые трактовки принципы солидарности (в противоположность кантовским рациональности и обязанности) как возрастающего чувства сострадания к боли, раскаяния за жестокость и искренней доброжелательности.

На определенной «эквивалентности» понятий доверия, солидарности и участия настаивают Ш. Айзенштадт и Л. Ронигер, исследуя широкий контекст исторических изменений в структурах дружбы и патрон-клиентских отношений [9]. Ученые, анализируя степень обязательности отношений, открытости взаимодействий, их стабильности и роли моральных ограничений, а также превалирования институциональных или социетальных ресурсов,

прослеживают определенную эволюцию институционального обеспечения необходимых условий для формирования доверия. Если гарантии физической безопасности принадлежат государству, то солидарность и ответственность порождаются неформальными социальными отношениями, крепкими личными связями, способствуя формированию и распространению отношений доверия на генерализированный уровень, базируясь как на солидарности, так и личной зависимости.

Таким образом, категории доверия и солидарности в целом характеризуются универсальной социальной значимостью и множественностью проявлений в различных сферах социальной действительности. И доверие, и солидарность возникают в качестве элементов социального капитала, выступая социокультурными механизмами объединения в разного рода ассоциативные формы взаимодействия. Также прослеживается интересная зависимость: чем выше уровень доверия, тем выше уровень солидарности в обществе, и наоборот. Общим у доверия и солидарности является обозначение степени прочности социальных связей в обществе, выступая в роли тех факторов, которые способствуют стабилизации общества и социальному порядку. Низкий уровень доверия и солидарности обычно свидетельствует о нарушении социального равновесия в обществе, утрате общих объединяющих ценностей, что способствует обострению разного рода конфликтов и значительно усложняет поиск путей их адекватного разрешения.

В то же время доверие отличается определенной степенью вероятности, что имеет рисковую природу, возникая, в отличие от уверенности, в ситуации неопределенности, недостаточности информации и определенных гарантий, невозможности контроля, что усиливает риск, одновременно давая шанс построения новых отношений и раскрывая большой потенциал взаимодействия. Солидарность же является более устойчивым ценностным отношением именно вследствие направленности на практическое воплощение при наличии ощущения взаимопринадлежности к определенной общности, обозначая идентичное мотивационное единство убеждений и действий.

Результативной основой солидарности является взаимопомощь, коррекция совместных действий, направленных на решение общих задач, основа доверия – выполнение добровольно взятых обязательств, что порождает ощущение надежности и защищенности, вплоть до так называемой «онтологической безопасности». И доверие, и солидарность обладают мощной силой личностного развития, стимулируя человека преодолевать собственную ограниченность, раздвигать горизонты деятельности, становиться более открытыми миру, осуществляя благоориентированное действие.

Солидарность предполагает наличие определенных общих взглядов, чувства идентичности, что приводит к внутренней согласованности и отнесению себя к структуре отношений «Мы», без инаковой категоризации. Доверие определяет наличие отношений «Я» и «Другой», обусловленных реляционными, личностными или культурными особенностями. И доверие, и солидарность имеют в своей основе сочетание эмоционального, рационального и морального. В солидарности зачастую именно эмоциональный фактор (эмпатийная способность поставить себя на место других) является решающим. Солидарность четко отражает общую связь человека со всеми другими, доверие же сосредотачивается на моменте зависимости человека от других и собственной уязвимости.

Солидарность базируется на общем понимании морального императива перевода состояния возможного в состояние реального, среди условий которого следует назвать четкое отнесение себя к определенной группе (по профессиональному, национальному, классовому, возрастному, общечеловеческому, религиозному, гендерному, ролевому и другим критериям), в качестве ведущего в солидарности лежит стремление к взаимодействию или желание помочь именно из чувства социального подобия. Довольно часто солидарность возникает как реакция на внешнюю угрозу существованию сообщества, когда возникает насущная необходимость отстоять интересы группы и имеется общее чувство опасности и стремление консолидироваться. Сущностным основанием солидарности является

совпадение личного и общественного, стремление найти «точки пересечения» даже там, где доминируют противоположные взгляды и интересы. Таким образом, в солидарности происходит переход понятия «Они» в понятие «Мы», в то же время, сохраняя ощущение личностной значимости.

Понятия доверия и солидарности являются одними из наиболее употребительных, и в то же время одними из самых неопределенных, также следует отметить их склонность к некоторой декларативности и утопичности. В солидарности и доверии органично сочетаются политическое, экономическое, моральное, правовое и культурное измерения общественной жизни. И доверие, и солидарность имеют универсальный социальный статус, выступая в качестве источника социального действия, системы социальных согласований, что порождается потребностью в единстве действий для решения общих задач, без минимального уровня которого существование общества невозможно, потому что солидарность и доверие лежат в основе социального порядка и согласованности интересов и потребностей.

В целом принцип солидарности отражает общую специфику возможности сочетания личного и общественного измерений бытия, согласованное стремление в достижении общих целей, возможность моральной идентификации индивида с сообществом. Категория доверия акцентирует внимание на идее зависимости индивидуального бытия от действий других, реальной необходимости и потребности в других, отражая ожидания определенных намерений, профессиональной компетентности и онтологической безопасности. Положительный опыт солидарного взаимодействия способствует укреплению культурных навыков надежности и эффективности социальных связей, что, кодифицируясь в правила, формирует культуру доверия, но уже на более высоком, универсально-гуманистическом уровне, что способствует замене формализации норм этикой ценностей человечности.

Таким образом, солидарность порождает некоторую универсализацию, обозначая стремление к расширению идентичности на основе новых форм

социальных связей и интересубъективного опыта, что в свою очередь способствует становлению культуры доверия в аспекте сетевого взаимодействия и эмерджентных усилий достижения общих целей. Принцип солидарности как связующий ориентир человечности предполагает фокусированную интерпретацию разнообразных форм социальных связей на основе определенной общности, того связующего единства, важными составляющими которого являются взаимность и признание личностной ценности.

Список литературы:

1. Габермас Ю. Мораль і моральність. Чи стосуються гегелівські заперечення Канта також і дискурсивної етики? // Єрмоленко А.М. Комунікативна практична філософія. – К.: Лібра, 1999. – С. 325 – 346.
2. Гьоффе О. Индивід і почуття солідарності (тези з соціальної етики ХХІ століття) // Політична думка. – 1997. - № 4. – С. 3-19.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков / Под ред. В.И. Добренькова. - М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. – С. 256-309.
4. Йонас Г. Принцип відповідальності. У пошуках етики для технологічної цивілізації / Пер. з нім. – К.: Лібра, 2001. – 400 с.
5. Карась А. Філософія громадянського суспільства в класичних теоріях і некласичних інтерпретаціях. – К., Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2003. – 520 с.
6. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. И. В. Хестановой и Р. З. Хестанова. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 280 с.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. – М.: Изд. АСТ, «Ермак», 2004. – 730 с.

8. Штомпка П. Доверие – основа общества / Пер. с пол. Н.В. Морозовой. – М.: Логос, 2012. – 440 с.
9. Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. – Cambridge, 1984. – 345 p.
10. Hardin R. Trust (Key Concepts). – Cambridge: Polity Press, 2006. – 216 p.

Сведения об авторе:

Кожемякина Оксана Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Черкасского государственного технологического университета (Черкассы, Украина).

Data about the author:

Kozhemiakina Oksana Mykolaivna – Candidate of Philosophical Sciences, Philosophy Department, Cherkassy State Technological University (Cherkassy, Ukraine).

E-mail: oksniko@mail.ru.